Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 82.09
ББК 83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133
https://elibrary.ru/YLRIBJ

© 2024. Владимир Двоеглазов
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия

«Правда» в исследовательских работах А.П. Скафтымова о Достоевском

© 2024. Vladimir V. Dvoeglazov
Vyatka State University, Kirov, Russia

“Pravda” in Skaftymov’s Research on Dostoevsky

Информация об авторе: Владимир Викторович Двоеглазов, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ул. Московская, д. 36, 610000 г. Киров, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-7914-0190
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются работы литературоведа-классика А.П. Скафтымова о творчестве Ф.М. Достоевского. Цель — попытка начального определения используемого ученым понятия «правда» по отношению к смыслу произведений художника. Выясняется, что значение этого понятия уточнялось от момента создания Скафтымовым студенческого реферата к завершению итоговой работы о писателе. «Правда» постепенно обретает значение этико-онтологической основы человека, по сути — Христовой любви, с которой связана идея произведений: «покрывающая» мысль о «правде» — прощение и любовь, которые есть функциональное наполнение образов-типов князя Мышкина из романа «Идиот», Лизы (героини повести «Записки из подполья»). По Скафтымову, князь Мышкин — выражение правды Достоевского. Герой живет любовно-открытым приятием бытия, точным ощущением нравственного самочувствия, пониманием человеческой гордости и прощением человека, состраданием. Лиза, тоже как «истинный» человек, наделена бескорыстным сердечным сочувствием, способностью к самоотданию и нравственной чуткостью. Важнейшие качества указанных героев — признак и «гордецов» Достоевского, в глубине души тоскующих по братской любви и не отдающихся ей. С опорой на современное православное богословие, предполагаем, состояние «истинных» героев в художественном мире Достоевского описывается Скафтымовым как праведное. «Правда» любви и прощения, открытая творчеством Достоевского, интерпретируется Скафтымовым и как свободный закон жизни.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, исследования А.П. Скафтымова, концепция личности, типы персонажей, «правда», праведность.

Для цитирования: *Двоеглазов В.В.* «Правда» в исследовательских работах А.П. Скафтымова о Достоевском // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 115–133. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133

Information about the author: Vladimir V. Dvoeglazov, PhD in Philology, Associate Professor, Vyatka State University, Moskovskaya St. 36, 610000 Kirov, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-7914-0190

E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Abstract: The article explores the works of classical literary critic Skaftymov concerning Dostoevsky. Its aim is to provide an initial definition of the concept of "pravda," as used in Skaftymov's scholarly works. The meaning of this concept evolves from a student essay to the completion of the final work about the writer. "Pravda" is understood as the ethical and ontological foundation of an individual rooted in Christ's love. It is closely tied to the ideas present in Dostoevsky's works, where the ultimate expression of "pravda" is found in forgiveness and love. Forgiveness and love serve as the functional essence of characters such as Prince Myshkin from the novel *The Idiot* and Liza (the heroine of the story *Notes from Underground*). Prince Myshkin epitomizes Dostoevsky's truth, living with a lovingly open acceptance of existence, a comprehension of human pride and forgiveness, compassion, and a keen sense of moral well-being. Similarly, Lise embodies "true" characteristics, including selfless heartfelt sympathy, the capacity for self-sacrifice, and moral sensitivity. These qualities are also found in Dostoevsky's "proud" characters, who yearn for brotherly love but struggle to attain it. Skaftymov portrays the state of these "true" heroes in Dostoevsky's artistic world as akin to Orthodox righteousness. The concept of "pravda" in Skaftymov's interpretation is considered as a free law of life, emphasizing love and forgiveness as fundamental principles in Dostoevsky's work.

Keywords: Dostoevsky's work, Skaftymov's research, the concept of person, types of heroes, "pravda," righteousness.

For citation: Dvoeglazov, V.V. "'Pravda' in Skaftymov's Research on Dostoevsky." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 115–133. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133

Достоевский, как отмечается специалистами, был одним из «любимых» писателей А.П. Скафтымова — литературоведа, имя которого «давно известно и признано в ученом мире России и Запада» и труды которого «проверены временем и написанное им останется в науке навсегда» [Никитина, Макаровская, 1968, с. 379].

Скафтымов посвятил художнику несколько собственно исследовательских работ (студенческий реферат и первую печатную статью, работы о романе «Идиот» и о «Записках из подполья»). Кроме того, известны относящиеся к Достоевскому «пометки» ученого, «выписки» и «комментарии» [Новикова, 2017, с. 44–65], самостоятельные критические статьи библиографического характера [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 41–54] — по всей видимости, сложился целый исследовательский цикл [Жук, Покусаев, 1970, с. 118-119; Ауэр, 2010, с. 60; Ванюков, 2021]. Все эти материалы привлекают должное внимание в текстологическом, интерпретационном отношении (см., например, работы А.А. Жук и Е.И. Покусаева, Е.И. Куликовой, В.Е. Хализева, А.И. Ванюкова, Н.В. Новиковой и др.). К настоящему времени результаты скафтымовских исследований по Достоевскому оценены как «впечатляющие», «фундаментальные», «весомый вклад»: они создали «научные предпосылки для основополагающих выводов о творчестве Достоевского-романиста в целом» [Никитина, Макаровская, 1968, с. 380]; это работы с результатами «исчерпывающего» характера для решения отдельных проблем [Роднянская, 1974, с. 283] и могут быть во все времена «катализатором в дальнейшем научном поиске» [Ауэр, 2010, с. 63].

Особую ценность обретают те наблюдения ученых, которые раскрывают специфику «художественной онтологии» Достоевского по Скафтымову: «<...> уже в первых исследовательских опытах отчетливо видно, что Скафтымов стремился пробиться к глубинной основе поэтики Достоевского» [Ауэр, 2010, с. 60]; «<...> опыт “дочеховского” прочтения А.П. Скафтымовым Ф.М. Достоевского — ещё и через “Записки из подполья” — побуждает его различать в произведениях наследника лучших традиций отечественной классики не отдельные, так или иначе восходящие к предшественнику, элементы формы и содержания, а своего рода несущие конструкции: вопросы о том, что мешает человеку на пути к счастью, какие преграды перед ним вырастают, в состоянии ли он их преодолеть, зазвучавшие применительно к героям А.П. Чехова, проецируются на них из времени мучительных раздумий и счастливых отгадок “тайн” героев Ф.М. Достоевского» [Новикова, 2017, с. 42–43]. Свою задачу сейчас мы видим в том, чтобы посильно продолжить перспективные наблюдения, подступая к уяснению скафтымовского открытия «личной творческой правды <...> большого художника» [Большая советская энциклопедия, 1976], находящейся во внимании и современных

исследователей (см., например: [Смыслова, 2021], [Киселева, 2022], [Касаткина, 2023]).

В.Е. Хализев указал, что «А.П. Скафтымов <...> настойчиво обращался именно к тем литературным фактам, которые были ему созвучны, близки» [Хализев, 2010, с. 24]. Так, по воспоминаниям А.П. Медведева, ученика Скафтымова, во время изучения творчества Достоевского, «сложно и глубоко» решалась проблема личности, «собственного достоинства, душевной независимости» [Медведев, 1984, с. 185]. Одной из причин особого внимания к Достоевскому, считается, послужил «мир его идей, исходящих из одной точки: “человек есть тайна”, — пробный камень для А.П. Скафтымова как начинающего исследователя» [Новикова, 2017, с. 27]. Свидетельством самостоятельного скафтымовского обращения к этой проблеме сквозь художественную литературу становится сохранившийся конспективный вариант **студенческого реферата (1911/1912)** — наблюдения за смысловым содержанием произведений Лермонтова и Достоевского. Завершают эти наблюдения слова: «Лермонтов и Достоевский — носители двух противоположных правд» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 487]. Вся логика развертывания конспекта приводит к такому результату наблюдения, что смысл «правды» следует видеть в русле своеобразной концепции, представления писателей о человеке и его связи с окружающим мирозданием (в этом отношении обратим внимание на названия разделов и параграфов реферата Скафтымова: «Общность духовной организации Лермонтова и Достоевского в отношении к своему “я” и высшей воле», «Интерес к личности как основной пункт в мироощущении поэта», «Вопрос о смысле жизни», «Человек в человечестве», «Человек в мире», «Верил ли Достоевский?», «Добро и зло» и др.). При этом первоначально слово «правда» употреблено в реферате в контексте резюмирования мыслей о творчестве Лермонтова. «Правда» там — один из элементов «мировых противоречий» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 484], с которыми сталкивается «личность человеческая», это смысл жизни (для толкования в пару к «правде» как противоречие автором дано «отсутствие смысла в жизни»).

В согласии с наблюдениями за смысловым наполнением творчества Лермонтова оказывается развертываемая Скафтымовым логика мировых «нелепых противоречий», вскрытых Достоевским: несправедливость в соотношении трудов, страданий и благ человека; сознание человеком своих свободы, воли и неотвратимое действие

в жизни установленных («мертвых») законов; всякий «нравственный императив» есть «принудительность» и оттого альтруизм — «маска». Противоречие видится сквозь «главную ценность личности» — своеволие: «<...> какое же тут своеволие, когда человек вызывается к бытию, живет и умирает без всякого участия своего хотения», права и хотения исходят из самой сущности личности [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 485]. Исследователем обозначаются «непобедимый скепсис» Достоевского, настойчивость писателя в мысли «об органической невозможности любви к ближнему», о человеческой злости, эгоистичности, склонности «ко всякой низости» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 486] — и эта горькая «правда» человеческой жизни, по всей видимости, находится как бы в противопоставлении лермонтовскому «наслаждению и злом и добром» (а в последние годы — интерпретируемой сердечности и мирности поэта-«успокоенного молитвенника», мягкости отношения к людям). Таково может быть понимание раннего скафтымовского представления о сути «правд», исходящего во многом из признания тождества героев и биографического автора.

Любопытно, что слово «правда» перейдёт в **первую статью (1916)** Скафтымова и расширится до цитаты из Лермонтова: «“Есть чувство правды в сердце человека”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т.3, с.22]). По-прежнему передана диалектика отношений мира и человека. «Правда» приобретает в статье за счет введенной цитаты характер явления, отчетливо достоверным ощущением которого, по мнению поэта, отмечен человек. Исходя из комментариев ученого, мы можем понять — это, в какой-то мере, ощущение высшей справедливости и высшего замысла, божественного: «<...> оно требует оправданья, объяснения очевидной обиды.

“Всесильный Бог,
Ты знать про будущее мог, —
Зачем же сотворил меня?..

...Ужели мил тебе мой стон?”»; «Иногда поэту кажется, что смысл жизни необходимо *должен* открыться ему со всею ясностью» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 21, 22].

По отношению к Достоевскому употребление слова «правда» с подобным значением в первой печатной статье Скафтымова фактически отсутствует. Однако, думается, оно всё же подразумевается, присутствует соотносительно: так, стоит обратить внимание на то, как исследователь анализирует характеры героев Достоевского и выстраивает концепцию личности. Ученый, пока в согласии

с принципом отождествления писателя и его героев, называет в качестве «основы и движущего начала всех духовных исканий» художников «жажду самоутверждения». Однако с сознанием своей самоценности у человека сосуществует «нравственный строй»: это «личные внутренние движения», «нечто», что «настойчиво отклоняет от одних поступков и требует других» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 28]. В качестве примеров в статье приводятся убедительно выписанные романистом «сдерживающие силы» Ивана Карамазова и Раскольникова. Эти «сдерживающие силы» не обосновываются рассудком, человек «продолжает чувствовать их требования». Скафтымовым они называются «нравственными инстинктами», т.е. по сути являются такими же проявлениями «законов природы», как страх смерти и инстинкт самосохранения [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 23]. Потому вполне естественно назвать переживание героями Достоевского «нравственных инстинктов» тоже ощущением «правды» (как показывают текстуальные примеры, оно ведет не к разрушению, а к осознанию зла, к помощи: «Среди соображений о наиболее удачном образе действий при убийстве старухи у Раскольникова вырывается: “А впрочем, как это подло все”, “О Боже, как это отвратительно!..”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 33]; «Но вот вдруг в сознании его появляется мысль: зачем он это делает? Ведь это опять “принцип”, опять *веление* совести» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34]; «Совесть его сдерживает, он чувствует ее в себе. <...> “Совесть! Что совесть? Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34, 36]). Глаголемая совестью «правда», в конечном счете, есть необходимый замысел. И, вероятно, степень открываемого у Достоевского «сознанного нравственного ограничения» как проявления «природного» закона обозначается в разделе выводов скафтымовской статьи указанием теперь уже на «двойственную нравственную природу человека» (в отличие от раннего представления «скепсиса» и убежденности Достоевского в органической человеческой низости); показательна в этом отношении и лаконичная фраза исследователя, интерпретирующего значение характера Раскольникова в сюжетном движении первого из «великого пятикнижия» романа: «В борьбе он был побежден» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34]. Однако сам Скафтымов эту нравственную «победу» пока не считает важной (в том числе, в соответствии с замыслом своей статьи; немногословно-констати-

рующим он остается ещё в реферате, когда выделяет «тихую, кроткую, смиренную» «божию струю» в «кротких людях» типа старца Зосимы, Сони Мармеладовой и др., «мораль» которых — «смирение, покорность, деятельная самоотверженная любовь» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 486]). И всё же обозначенными фактами начинающий ученый действительно делает большой практический шаг в объективном познании мира Достоевского и важнейшей его составляющей — религиозно-философской сферы (свобода и необходимость, добро и зло, человек и Бог).

Растущее внимание Скафтымова к самому художнику и поставленным им вечным проблемам нравственности, онтологии подтверждается общим содержанием и отдельными эпизодами последующих работ: <Рецензии на издание Ф.М.Достоевского> 1919 года и обзорной статьи «Новое о Достоевском» 1922 года (см., например: «В настоящее время нет нужды выяснять, насколько дорого нам каждое слово Достоевского. <...> Мотивы одновременного наслаждения, с одной стороны, своей жестокостью и эгоизмом, с другой, — сознанием своего падения, чувством раскаяния и жалости, мотивы, впоследствии занявшие так много места в психологии героев Достоевского, здесь уже ясно и открыто намечены в характеристике Лареньки» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 41, 43]). В обзорной статье «Новое о Достоевском» Скафтымов выражает кроме объективного смысла своего библиографического обзора («Но что приход Достоевского знаменует глубокий внутренний перелом в духовной культуре человечества, — в этом соглашаются почти единодушно» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 54]), безусловно, личное, ценностное отношение к творчеству писателя. Осуществляется это композиционным приемом сопоставления двух зарубежных откликов (Г.Гессе и Murry. J. Middelton) и цитированием одного из них в абсолютной концовке статьи как сильном авторском месте текста: « “<...> писатели других народов лишь играют у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский: с ними, хотя мир ещё не знает о том, закончилась целая эпоха в развитии человеческой мысли. В них человечество стоит на границе откровения великой тайны” (*Murry. J. Middelton* Fyodor Dostoevsky. A critical study. London: Martin Seeker, 1916. 263 p.)» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 54].

Вероятно, одним из непосредственных открытий сущности «правды» Достоевского мы можем считать статью Скафтымова **«Тематическая композиции романа “Идиот”» (1922/23, опубл.**

в 1924). В выявлении сути целого ученый исходит из результатов аналитического выделения и «функционального скрещения» «тематических мотивов» образов персонажей — «крупнейших звеньев целого». Ученый сосредоточивается на персонаже как личности, посвящает каждому отдельный эпизод основной части работы. Выясняется, что все избранные герои, обладая индивидуальными чертами, заключают в себе «трагическое раздвоение личности между импульсами самоутверждения и гордости — с одной стороны», и «таимой стихией живых непосредственных “источников сердца”», — с другой [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 92]. «Гордость» — обостренное сознание собственного «я», состояние «самозаинтересованности», самолюбия. Настасья Филипповна, Аглая, Ипполит, Рогожин и другие, как показывает исследователь, «борют» гордость жаждой любви, прощения, стремления к радости и счастью. Так, о Настасье Филипповне: «Она уже и теперь мечтает, как о высшем счастье, о забвении происшедшего, о возвращении утерянной чистоты. Ей грезится, что вот приедет кто-то чистый, добрый, честный, хороший и снимет с нее случившийся грех и грязь, полюбит как чистую и светлую <...> Но вот в это состояние раскаяния и сожаления об утраченном автор вносит взрыв оскорбленной гордости, которая на время совершенно вытеснит боль о себе, создаст в Настасье Филипповне иную устремленность, погасит в ней свет идеала и всю ее волю направит на защиту гордости и импонирующего превосходства пред оскорбителем» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 69]. Характеризуя особенности соотношения в человеке гордости и «борющегося» с ней, ученый приходит к пониманию своеобразных уровней их расположения. Гордое есть внешнее, видимое, поверхностное, часто сознательное, «наносное» (не подлинное — «какая-то плотина, фильтр»; и удивительно ощущается — «человеческое “я” прикреплено к гордости, оно и есть как бы сама гордость»); «живая вода жизни глубоко течет», она таимая стихия, влекущая, душевная, истинная — «подлинный лик» с «внутренней правдой» (впервые в связи с этим отмечается 4-ой главкой статьи: «Как радость, так и чистое чувство правды и идеала у нее обнаруживается в детских, наивных формах. <...> Тем не менее и в Аглае главная тема остается: и в ней боязнь за импонирующее преобладание не дает свободного проявления ее нежности, доброты и правды сердца» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 92]).

Чем ближе ученый подходит к завершающей статью 8-ой главке-заключению, тем чаще используется слово «правда» (см.:

«В Лебедеве опять два мотива: ложь и самолюбие наверху и чувство правды и любви в глубине сердца <...>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 98]; «Наибольшая “детскость” сопутствует в романе наибольшему чувству внутренней правды <...>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 121]; «<...> за гордым вызовом и усмешкой всегда скрыто тоскующее лицо скорби о себе, и живое сердце, правда совести и жажда любви неодолимо влекут гордые души на свой путь любви и прощения» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 122]). Тем яснее утверждается и прорисовывается значение исследуемого понятия. В свете «правды совести» интерпретируется ощущение героями своего несовершенства и направление «таимой» устремленности (ср., например: «Сама же себя в совести своей она не оправдывала ни в чем <...>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 76]; «“<...> рай — вещь трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется вашему прекрасному сердцу. Перестанемте лучше, а то мы все, опять, пожалуй, *сконфузимся*, и тогда...” (курсив мой — *А.С.*)» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 116])). Совместное с этим обобщенное исследовательское указание на открытый писателем «странный, иррациональный закон человеческого духа», по которому «счастье перед несчастьем всегда внутренне стушевывается; счастливый снижается пред несчастным сознанием какой-то вины, хотя, по здравому смыслу, и не было бы этой вины» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 84], представляет «правду совести» и то внутреннее, перед чем возникает состояние вины, своей недостаточности, как действительно существующую «внутреннюю правду» — неизменный, обладающий абсолютной полнотой этико-онтологический ориентир человека в деле «нравственного самочувствия» и «нравственного общения» всех людей мира. Также «правда» отчетливо связана с непосредственным чувством: она детски проста, любовно добра, жалостлива, осердечена (например: «Все таимо-кроткое, доверчиво-жалостное и жалостливое, приветное и ищущее привета, детское — все это есть и в тех, которые около него, и в них есть ребенок, но там это задавлено самолюбием <...>»; «Пусть человека борют страсти и одолевает демон гордыни, но в сопутствии детского, если оно в нем еще живо, он сознает свою неправду. Наибольшая “детскость” сопутствует в романе наибольшему чувству внутренней правды» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 120–121]). И в этом «сердечном» состоянии она особенно близка образу Мышкина (замечается, что герою свойственна и нравственная сторона «правды»: «“Я не имею права выражать мою мысль ... Я всегда боюсь моим смешным видом скомпрометировать

мысль и *главную идею*" (курсив Достоевского — *А.С.*)» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 113]). Если в гордых натурах при ощущении «правды» вспыхивает воспоминание о своем «я», то в натуре заглавного героя исследователь (цитируя произведение Достоевского) видит конечное художественное разрешение, идеальное тяготение всех образов: «<...> все персонажи романа в сердце своем склоняются перед его правдой» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 122].

Глава о Мышкине построена неслучайно (вслед за Достоевским) путем показывания героя в разных ситуациях и, соответственно, отношений с другими персонажами. Обозначая индивидуальные черты «неимпозантности», «детскости», жалости, ожидания любви и приятия, «приемлющего и прощающего» общения князя Мышкина с другими людьми, Скафтымов приходит к конечному размышлению о сути этого поведения и этой «правды»: «Любовь — последняя полнота блаженства жизни. В функции возвещения этой истины раскрыто состояние князя Мышкина перед припадками»; «Такие экстатические состояния, когда человеческое "я", освобожденное от самозаинтересованности ("О, что такое мое горе и моя беда...", Мышкин) переливает за грань личного и, чувствуя величественное веяние вечности, забывает себя и живет какой-то иной, трудно определимой, но тем не менее реальной и глубочайшей, коренной основой своего существа, открывают Мышкину всеобъемлющую любовь не как мечту, утопию или полет воображения, а как живое полное чувство радостного растворения и самоотдания в благоволении ко всему живому, в каком-то вбирании в приятии в себя всего, на что обращены ласковые глаза любящего. Это все те же «непосредственные источники сердца», которые автор указывает во всех других персонажах» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 127–128].

О связи «правды» жизни и «правды» («истины») князя Мышкина (который есть ее радостный свободный носитель и, оставленный с одними живыми родниками сердца, потому своеобразно противопоставлен всем героям романа) говорит исследователь. «Правда» предстает как ощущаемый человеком свободный закон мира, отчего человек, будучи частью мира, как бы несет в себе этот закон и, соблюдая его, обретает себя истинного («отдает себя себе»), принимает мир и видит его отклонения, сопричисляется к «вечному», а сопротивляясь — усиливает «тяжесть» личного. Этот последний закон — любовное единство мира: «Именно тогда, когда "напрягаются разом все жизненные силы его" и "ощущение жизни, самосознания

почти удесятерилось", когда "ум, сердце озарялись необыкновенным светом и все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды", когда его охватывало "неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни", именно в эти моменты такого высшего касания "миров иных" эти последние знания о себе и о мире открываются Мышкину как любовь» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 104–105]. Скафтымов указывает, что художественная концепция развита из души писателя, его идеальных устремлений и воплощает сознательное намерение биографического автора. Это подтверждают и приводимые публицистические, эпистолярные материалы [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 129]. Потому несомненной теперь оказывается связь «правды» князя Мышкина, перед которой склоняются все герои, со «знанием-переживанием» Достоевского. Оно — «сплошная защита любовного влечения к взаимопрощению против обольщающей и замыкающей гордости», выражение «осмысления жизни с высоты этого конечного знания» и оправдание этого знания [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 128, 129].

В **статье о «Записках из подполья» (1925–1926, опубл. в 1929)** реализуется теоретическое утверждение Скафтымова о том, что в произведении много идей — это правда, но за этой правдой следует другая: среди этих идей есть одна, покрывающая все остальные. Действительно правда, говорит ученый, что подпольный парадоксалист «является защитником индивидуальности, непримиримости индивидуальной воли с принудительными категориями космической и социальной необходимости» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]. Правда и то, что «в этой защите авторский пафос и сочувствие иногда всецело сливаются с доводами и лирикой героя» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]. Однако исследование состава целого убеждает в особом смысле этой защиты и частичного слияния с ней автора: они смыкаются с присутствием в повести «конечной идеи» о «народной правде».

По Скафтымову, Достоевский определяет «народную правду» как любовь, которой в особенной мере наделен русский человек: «"Признак же настоящего русского теперь это — знать то, что именно теперь надо не бранить у нас на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить уметь... Потому что кто способен любить и не ошибается

в том, что именно ему надо любить на Руси, — он уже знает, что и хулить ему надо; знает безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чем сетовать и чего домогаться ему надо...”», цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 175]. При этом в приведенной ученым цитате, кажется, отражается понимание Достоевским состояния любви и как национального, и как общечеловеческого одновременно: «кто способен любить». Это подтверждается полным носителем и выразителем особенностей такой «народной правды» — образом Лизы: как полагает Скафтымов, героиня способна к «непосредственному пониманию добра», «к живому самоотданию и любовному порыву», обладает «незатемненной свежей совестью» и сознает свою греховность в свете своего нравственного идеала («идеала чистоты»); «нет отъединенности, разобщенности с человеком, нет самоупоения, нет стремления к превосходствованию над другим, нет претензии к исключительности, к моральному подавлению собою другого лица» — «она видит лишь то, что она любит, перед чем преклоняется в человеке» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 154–155]. Истинность вывода и особый духовный статус этой «правды» кроме непосредственного анализа подчеркнут введением в статью цитат из сторонних публицистических работ художника и выяснением сути полемического характера парадоксалиста.

Импульс любить (а также быть любимым) «выдвигается» и в подпольном, считает исследователь. Доказательством тому служат четко обозначенные наблюдения парадоксалиста за своими чувствами и прямые «вспышки» живой непосредственной сердечности («“Игра, игра увлекла меня; впрочем не одна игра...”», «“Клянусь, она и в самом деле меня интересовала. <...> Да и плутовство ведь так легко уживается с чувством”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 146–147])), нравственные откровения («“Точно как будто на душе моей лежало какое-то преступление”»; «“*со стыдом и отчаянием* бросился вслед за Лизой”», «“упасть перед ней, зарыдать от раскаяния, целовать ее ноги, молить о прощении!”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 147, 150, 151])). Все это — непосредственные движения сердца, «нравственные инстинкты», выступающие свободным проявлением (как и отмечалось Скафтымовым в первой статье, в работе об «Идиоте»). Герой «видит свою ложь, виляние и притворство и сам оскорбляется ею» [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 173] с позиции присутствующей в нем нормы-«правды». Но подпольный, как указано, по авторской задаче оставлен с «одним сознанием и самолюбием», беспринципностью,

которые служат запрудой его влечения к добру, любви и лишают «живой жизни». Особенно этот вывод значим в приведенном Скафтымовым контексте публицистики Достоевского, который доказывает наблюдаемые писателем текущее «приглушение человеческой природы», отречение от «высших потребностей духа», дошедшие до «пожертвования истиной» «фразерство, эгоизм, самодовольство и самолюбие» «беспочвенников», «мечтательность», «наивность» «самоутешающейся добродетели», лишенной «подлинного, настоящего самоотречения, живого служения человеку» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 170]. И все же для исследователя ценно, что «тяготение к самоотданию в “Записках” настойчиво выдвигалось не только в Лизе, но и в подпольном герое»: «Пафос Достоевского на стороне героя присутствует только до тех пор, пока защищается сила и значение индивидуального самосознания от рационалистических теорий, которые нивелируют и устраняют индивидуальность. Эту индивидуальность, волевую самостоятельность Достоевский отстаивает, как необходимое свойство подлинной любви, где, в *противоположность принципам пользы и выгоды*, самоотдание и сближение между людьми осуществляется, по его пониманию, в свободе от всякой сторонней принудительности» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 177, 157] — здесь (кроме уже данного комментаторами научного наследия Скафтымова указания на обнаружение ученым у Достоевского абсолютной необходимости «личного начала» в осуществлении онтологической любви) со всей очевидностью следует подчеркнуть и прежнее скафтымовское признание неустранимости, «природности» этой любви в каждом обладателе «индивидуальности».

Статья о «Записках из подполья» — последнее специальное исследовательское обращение Скафтымова к творчеству Достоевского. Она в наибольшей мере отражает расширение взгляда ученого на творчество художника и обладает ценнейшими наблюдениями: продолжают даваться обобщающие комментарии к романам писателя, обозначаются особенности раннего творчества и следующего после создания анализируемой повести, приводятся мнения о содержательно-формальной специфике произведений (так, утверждается: «правдой любви и сострадания» отмечено творчество Достоевского и «прежде» создания «Записок из подполья»; «Достоевский и здесь выступает тем же идеологом любви и совести, каким он был и раньше, и после до самой смерти» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]), складываются черты «эмпирической личности» Достоевского и грани миро-

воззрения художника. Ученый указывает, что сам Достоевский знал две стороны своей личности, но при этом «в его сознании, в сердце его, в воле его последнего “я” одна сторона была бесконечно ниже другой и всегда осуждалась». «Конечным призывом и идеалом», «святым и желанным» возносились «любовь, самоотдание, приятие человека и жизни» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 180], т.е. как раз то, что обобщается Скафтымовым как «правда» в героях художника. В письмах Достоевский, указывает Скафтымов, всегда обнаруживает полную определенность своих тяготений к правде «добра».

Е.И. Куликова, А.И. Ванюков, Н.В. Новикова справедливо считают «достоевские штудии» Скафтымова пространством роста ученого, практической выработкой и отработкой методологии [Новикова, 2017, с. 42–43]. Как указывают исследователи, сам Скафтымов литературоведческую истину «ставил в прямую зависимость от глубины понимания проблем “справедливости”, “совести”, “правды”» [Макаровская, 1984, с. 120]; «Поиски истины для него всегда были поисками правды, методология гуманитария открыта для смысложизненных вопросов» [Макаровская, 1994, с. 157]. Жизненная закономерность обозначенной «правды» героев Достоевского практически подчеркивается построенными обобщенными концепциями «истинного» [Новикова, 2008, с. 503] («положительно прекрасного») развития человека (в его последней глубине или высоте — на отвлечении от образа Мышкина) и искаженного («подпольного человека в целом», «человека русского большинства» — на основе образа парадоксалиста). «Подпольный» оставлен со своим «я» и гегемонией разума, он не может ни на чем остановиться (для него нет никакого закона кроме неустранимого «я», он не знает, «на чем себя утвердить»; «ему нужна только своя неподчиненность, свое господство, в чем бы оно ни проявлялось» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 160]). Однако созданный человеком и располагающий свободой он «проклянет себя в жгучей тоске недовольства самим собой», ибо «у героя подполья оставлена сама жажда идеала, искание его» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 157].

Как у князя Мышкина, Лизы, «<...> есть моменты, когда человеческое “я”, эта центральная точка индивидуальной жизни, освобождается от гегемонии гордости, уже не отождествляется с нею, а переносится в более глубокую инстанцию, <...> индивидуальное “я”, оставаясь индивидуальным (“нашим”, “своим”), то есть не теряя своей личной самоценности, поднимается на такую высоту или

уходит в такую глубину себя, откуда открывается более широкий горизонт, <...> Душа как бы обретает себя, находит свою родину» [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 126–127]. Данной характеристикой ученый близок современному богословскому описанию православного представления о праведности человека как «онтологически необходимом состоянии»: «Праведность — в широком смысле — соответствие действий разумного, свободного и творческого существа его природе. Под П. человека понимают такое его состояние, в котором его действия соответствуют его природе, т.е. Божиему замыслу о нем» [Домусчи, 2020]. Названное Скафтымовым «высшей самоцарственностью личного “я”», «несамозаинтересованное», «надличностное» состояние достигается «истинной полнотой любви» в прощении, свободно совпадающем с духовной родиной человека — Христовой правдой: «<...> именно во Христе открывается П. Божия (Рим 1.17), независимая от закона (Рим 3. 21-22), которая заключается в прощении верующих (Рим. 3–25–26; Евр 8–12). <...> Христос делает исключительный акцент на любви, как деле П. и проявлении П.» [Домусчи, 2020] — академическое литературоведение закономерно назвало князя Мышкина «праведником» [Фридлендер, 1982, с. 699].

Таким образом, неспешно расшифровывая, разгадывая «тайну» человека Достоевского, Скафтымов своеобразно закругляет свои исследования по творчеству художника[1] и приходит «к счастливым отгадкам»: очерчивает писательскую концепцию «живой» «самообладающей» личности, наделенной «природной» «внутренней» «правдой» («подлинной любовью» и «знанием-переживанием» ее как «подлинного лика» человека), даром свободы, волеизъявления; устанавливает существо «дьявольской» (самоутверждающейся, гордой, часто заостренно «логической», ложной) и «божеской» («не-

[1] Комментаторы научного наследия А.П. Скафтымова замечают, что статья о «Записках из подполья» завершает «первый “цикл” откликов на Достоевского» [Скафтымов, 2008, т. 3, с.502]. Здесь в начале статьи кратко представлен спор с Л. Шестовым, и этот скафтымовский «спор с самим собой, по существу отказ от раннего и ошибочного взгляда на творчество Достоевского» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 502]), кажется, дан в связи с сущностью выясняющейся «правды» художника (ср., например, из статьи о «Записках…»: «О “Записках из подполья” создалось впечатление как об отчаянной исповеди Достоевского, где он отрекается от прежних гуманистических идеалов, от любви к человеку, от всей прежней веры в правду любви и сострадания»; «Здесь, по словам Шестова, Достоевский объявляет свою “новую правду”, правду крайнего индивидуализма: “Пусть свет провалится, а чтоб мне чай был”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 133] — в раннем реферате Скафтымова: «Лермонтов и Достоевский — носители двух противоположных правд» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 487]).

самозаинтересованной» и смиренно-чуткой, любовно-прощающей и готовой к самоотданию — праведной) струи в человеке и на этой основе выделяет два основных типа героев; утверждается в избранной методологии с «этической» основой и обращается к бытийным евангельским откровениям: «Все живет для счастья и радости, потому что все любовью живет и для любви живет. Любовь — последняя полнота блаженства жизни» [Скафтымов, 2008, т.3, с.104]; «<...> основа жизни и оправдание жизни коренятся в любви, в естественном влечении человека любить и быть любимым. Кто не может и по гордости не хочет отдаться закону любви, для того нет жизни» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 136].

Список литературы

1. Ауэр, 2010 — *Ауэр А.П.* Поэтика Ф.М. Достоевского в интерпретации А.П. Скафтымова // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 59–63.

2. Большая советская энциклопедия, 1976 — Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 23. 1485 стлб.

3. Ванюков, 2021 — *Ванюков А.И.* Статья А.П. Скафтымова «Пьеса Чехова “Иванов” в ранних редакциях» в системе / цикле чеховских трудов ученого // Ранняя драматургия А.П. Чехова: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Гос. центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, 2021. С. 36–47.

4. Домусчи, 2020 — *Домусчи Стефан, свящ.* Праведность // Православная энциклопедия РПЦ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. Т. LVII. С. 673–679.

5. Жук, Покусаев, 1970 — *Жук А., Покусаев Е.* Александр Павлович Скафтымов // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 114–128.

6. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

7. Киселева, 2022 — *Киселева М.С.* Различение добра и зла: «Сон смешного человека» в «Дневнике писателя» Достоевского» // Вопросы литературы. 2022. № 4. С. 38–56. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-38-57

8. Макаровская, 1984 — *Макаровская Г.В.* О соотношении теоретического и исторического в рассмотрении истории литературы // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 112–120.

9. Макаровская, 1994 — *Макаровская Г.В.* Послесловие и примечания // Русская литературная критика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 152–159.

10. Медведев, 1984 — Школа нравственного воспитания. Из воспоминаний А.П. Медведева // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 180–194.

11. Никитина, Макаровская, 1968 — *Никитина Е., Макаровская Г.* Александр Павлович Скафтымов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1968. Т. XXVII. Вып. 4. С. 379–381.

12. Новикова, 2008 — *Новикова Н.В.* Примечания // *Скафтымов А.П.* Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век#21, 2008. Т. 3. С. 482–536.

13. Новикова, 2017 — *Новикова Н.В.* А.П. Скафтымов <Эпизоды «дочеховского» прочтения Ф.М. Достоевского> // Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений: Сборник научных работ. М.: Гос. центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина, 2017. С. 25–68.

14. Прозоров, 2007 — *Прозоров В.В.* Александр Павлович Скафтымов — исследователь русской словесности // *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. С. 5–20.

15. Роднянская, 1974 — *Роднянская И.* Нравственные искания русских писателей // Новый мир. 1974. № 2. С. 282–283.

16. Скафтымов, 2008 — *Скафтымов А.П.* Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век#21, 2008.

17. Смыслова, 2021 — *Смыслова О.Н.* О «правде действительной» и «высшей правде» в художественной критике Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2021. Т.3. №4. С. 114–129. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-114-129

18. Стрельцова, 2021 — *Стрельцова Е.И.* Предисловие. Дар слова // Ранняя драматургия А.П. Чехова: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Гос. центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина, 2021. С.3–13.

19. Фридлендер, 1982 — *Фридлендер Г.М.* Ф.М. Достоевский // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1982. Т.3. С. 695–760.

20. Хализев, 2010 — *Хализев В.Е.* А.П.Скафтымов: филолог, мыслитель, педагог // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 14–27.

References

1. Auer, A.P. “Poetika F.M. Dostoevskogo v interpretatsii A.P.Skaftymova” [“Alexandr Skaftymov’s Interpretation of Dostoevsky’s Poetics”]. *Aleksandr Pavlovich Skaftymov v russkoi literaturnoi nauke i kul’ture: stat’i, publikatsii, vospominaniia, materialy* [*Alexandr Skaftymov in Russian Literary Studies and Culture: Articles, Publications, Memoirs, Materials*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 2010, pp. 59–63. (In Russ.)

2. *Bol’shaia sovetskaia entsiklopediia: v 30 tomakh* [*The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols*], vol. 23. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1976. 1485 columns. (In Russ.)

3. Vaniukov, A.I. “Stat’ia A.P. Skaftymova ‘P’esa Chekhova “Ivanov” v rannikh redaktsiiakh’ v sisteme/tsikle chekhovskikh trudov uchenogo” [“Alexandr Skaftymov’s Article ‘Chekhov’s Play

"Ivanov" in Early Editions' in the System/Cycle of His Chekhovian Works"]. *Ranniaia dramaturgiia A.P. Chekhova: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Sed'mye Skaftymovskie chteniia* [*Early Dramaturgy of Anton Chekhov: Collection of Articles based on the Proceedings of the International Academic-Practical Conference Seventh Skaftymov Readings*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2021, pp. 36–47. (In Russ.)

4. Domuschi, Stefan, Rev. "Pravednost'" ["Righteousness"]. *Pravoslavnaia entsiklopediia RPTs* [*Orthodox Encyclopedia of the Russian Orthodox Church*], vol. LVII. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia" Publ., 2020, pp. 673–679. (In Russ.)

5. Zhuk, A., and E. Pokusaev. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov" ["Alexandr P. Skaftymov"]. *Voprosy literatury*, no. 9, 1970, pp. 114–128. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *"My budem — litsa..." Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*"We Will Be Faces/Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

7. Kiseleva, M.S. "Razlichenie dobra i zla: 'Son smeshnogo cheloveka' v 'Dnevnike pisatelia' Dostoevskogo" ["The Distinction between Good and Evil: 'The Dream of a Ridiculous Man' in Dostoevsky's *A Writer's Diary*"]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2022, pp. 38–56. (In Russ.) https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-38-57

8. Makarovskaia, G.V. "O sootnoshenii teoreticheskogo i istoricheskogo v rassmotrenii istorii literatury" ["On the Correlation of the Theoretical and the Historical in the Consideration of the History of Literature"]. *Metodologiia i metodika izucheniia russkoi literatury i fol'klora* [*Methodology and Methods of Studying Russian Literature and Folklore*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1984, pp. 112–120. (In Russ.)

9. Makarovskaia, G.V. "Posleslovie i primechaniia" ["Afterword and Notes"]. *Russkaia literaturnaia kritika* [*Russian Literary Criticism*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1994, pp. 152–159. (In Russ.)

10. "Shkola nravstvennogo vospitaniia. Iz vospominanii A.P. Medvedeva" ["School of Moral Education. From the Memoirs of A.P. Medvedev"]. *Metodologiia i metodika izucheniia russkoi literatury i fol'klora* [*Methodology and Methods of Studying Russian Literature and Folklore*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1984, pp. 180–194. (In Russ.)

11. Nikitina, E., and G. Makarovskaia. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov" ["Alexandr P. Skaftymov"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriia literatury i iazyka*, vol. XXVII, no. 4, 1968, pp. 379–381. (In Russ.)

12. Novikova, N.V. "Primechaniia" ["Notes"]. Skaftymov, A.P. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*], vol. 3. Samara, Vek#21 Publ., 2008, pp. 482–536. (In Russ.)

13. Novikova, N.V. "A.P. Skaftymov <Epizody 'dochekhovskogo' prochteniia F.M. Dostoevskogo>" ["A.P. Skaftymov <Episodes of Reading Dostoevsky 'Before Chekhov'>"]. *Chekhov i Dostoevskii. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chtenii: Sbornik nauchnykh rabot* [*Chekhov and Dostoevsky. Proceedings of the Fourth International Skaftymov Readings. Collected Articles*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2017, pp. 25–68. (In Russ.)

14. Prozorov, V.V. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov — issledovatel' russkoi slovesnosti" ["Alexandr P. Skaftymov, Researcher of Russian Literature"]. Skaftymov, A.P. *Poetika khu-*

dozhestvennogo proizvedeniia [*The Poetics of Literary Work*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2007, pp. 5–20. (In Russ.)

15. Rodnianskaia, I. "Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei" ["Moral Quests of Russian Writers"]. *Novyi mir*, no. 2, 1974, pp. 282–283. (In Russ.)

16. Skaftymov, A.P. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*]. Samara, Vek#21 Publ., 2008. (In Russ.)

17. Smyslova, O.N. "O 'pravde deistvitel'noi' i 'vysshei pravde' v khudozhestvennoi kritike F.M. Dostoevskogo" ["About the 'Real Truth' and 'Higher Truth' in the Artistic Criticism of Fyodor Dostoevsky"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 114–129. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-114-129

18. Strel'tsova, E.I. "Predislovie. Dar slova" ["Preface. The Gift of Words"]. *Ranniaia dramaturgiia A.P. Chekhova: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Sed'mye Skaftymovskie chteniia* [*Early Dramaturgy of Anton Chekhov: Collection of Articles based on the Proceedings of the International Academic-Practical Conference Seventh Skaftymov Readings*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2021, pp. 3–13. (In Russ.)

19. Fridlender, G.M. "F.M. Dostoevskii" ["F.M. Dostoevsky"]. *Istoriia russkoi literatury: v 4 tomakh* [*History of Russian Literature: in 4 vols*], vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 695–760. (In Russ.)

20. Khalizev, V.E. "A.P. Skaftymov: filolog, myslitel', pedagog" ["Alexandr Skaftymov: Philologist, Thinker, Teacher"]. *Aleksandr Pavlovich Skaftymov v russkoi literaturnoi nauke i kul'ture: stat'i, publikatsii, vospominaniia, materialy* [*Alexandr Skaftymov in Russian Literary Studies and Culture: Articles, Publications, Memoirs, Materials*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 2010, pp. 14–27. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.08.2023
Одобрена после рецензирования: 08.09.2023
Принята к публикации: 22.10.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 13 Aug. 2023
Approved after reviewing: 08 Sept. 2023
Accepted for publication: 22 Oct. 2023
Date of publication: 25 Mar. 2024